

Глава 37: Странная доброта

В середине беседы из-под кровати вышел Старый Фил. Он залез и занял половину кровати, как будто он ее владелец, потом лёг и посмотрел на своих “мальчиков на побегушках” как бы намекая, чтобы они почесали ему животик.

Бай Си потянулась, чтобы почесать Старого Фила. Он был так взволнован, что начал скатываться на пол.

Старый Фил ухмыльнулся Е Цинсюаню, победоносно посмотрел на него говоря, насколько ему понравилось прикосновение Бай Си, и что он подумает о том, кто теперь его “мальчик на побегушках”.

Е Цинсюань прикрыл лицо и вздохнул.

Бай Си держала Старого Фила, тщательно почесывая ему уши. Желтый пёс с энтузиазмом катался около её колена. Это было дешево и уродливо. Е было почти невыносимо наблюдать за этим.

«Почему его имя Старый Фил?» - с любопытством спросил Бай Си, хватаясь за уши пса.

«Ну ...» - подумал Цинсюань, - «Это немного сложно объяснить».

«Ну же, я так много рассказала о Востоке!»

«Хорошо-хорошо.» Е Цинсюань похлопал себя по лбу своей перевязанной рукой. Он неохотно говорил: «Знаешь, Старый Фил всегда считал, что он самый сильный в мире, поэтому он всегда был жестким. Когда я впервые встретил Старого Фила, это так и было. Он не хотел ничего делать, и он ни к кому не приближался. Все уличные головорезы называли его «Фэй У» ...»

«А?» Бай Си была удивлена на мгновение.

«Вот в чем проблема. И, я не знаю, почему, но он думал, что Фэй У означает «король собак», поэтому, если я позову его другими именами, он проигнорирует меня. Имя Фэй У не очень приятно, правда? Я должен был изменить его на какое-то прозвище». Е Цинсюань вздохнул: «К счастью, теперь он думает, что Старый Фил звучит сильнее, чем Фэй У. В противном случае, если ты позовешь его по имени Фэй У на обед, он прибежит к тебе из-за города».

Бай Си не могла с собой ничего поделаться, и она рассмеялась. Но вскоре она вернула своё спокойное лицо, как будто смеха никогда не было.

«Еще ребенок». - прошептал Е Цинсюань.

«Хм?» Бай Си подняла глаза.

Цинсюань улыбнулся и покачал головой: «Расскажи мне еще что-нибудь». Целую ночь, Е Цинсюань лежал на твердой кровати, покрытый бинтами, спокойно слушал рассказы Бай Си о Востоке. Это была просто маленькая девочка, ее тон не был мягким, он был полон шипов. Она говорила нелепыми словами, когда она добиралась до захватывающей части историй, даже показывала пальцами. Она была большим изгоем, чем Виктор, но как-то, он чувствовал себя лучше. Пока кто-то составлял ему компанию, боль была уже не такой невыносимой. Даже его телу, полному ран, было не так уж плохо. По крайней мере, ему не нужно было думать о прошлом, он должен думать о будущем. Но в его сердце всегда был голос, который

задумывался: «Е Цинсюань, ты больше не можешь стать музыкантом».

Необъяснимое кровотечение привело к тому, что Е Цинсюань провел в постели целый день. Сонный и вялый, он думал, что долго спал. В его длинных и разорванных снах казалось, были только фрагменты прошлого, а также некоторые странные и неопишуемые моменты. В этих разорванных снах всегда кто-то шептал, от этого звука болела голова.

На третий день, когда он наконец встал с кровати, уже был полдень. Сетон не торопил его работать, но, когда он прислонился к стене и шагал шаг за шагом, он увидел, что лицо Сетона дергается, он стоял за прилавком с сигаретой в руке.

Его глаза были налиты кровью. Очевидно, он дошел до края. Этот человек монстр был так зол, что все его мускулы дрожали от гнева, а у его ног был разорванный на куски словарь.

«Что, в чем дело?» Е Цинсюань был удивлен.

Сетон указал на прилавок, без выражения. Письмо было доставлено посланником, а маленькая коробочка лежала сверху. Это смятое письмо, похоже, было сделано не из обычной бумаги, больше похоже на то, что оно было написано на куске отличной качественной кожи. Его трудно было порвать, но на нем было много трещин.

«Это тебе, читай сам». Сетон схватил немного денег из ящика, хлопнул дверью и вышел выпить.

Е Цинсюань схватил письмо, удивился, а затем он был в шоке. Это было письмо, адресованное ему ...

«Моему дорогому работнику Е.:

Слышал, что ты болен, это меня беспокоит. Хотя мы еще не встречались, я очень глубоко обеспокоен и твоём благополучии. Возможно, это то, что восточные подразумевали под «судьбой»?

Наряду с письмом я посылаю бутылку с лекарством, хорошо отдохни после того, как ты ее выпьешь, и не беспокойся о магазине. Я возьму тебе все твои медицинские расходы.

П.С.. Пожалуйста, позаботься о Сетоне, поскольку он не очень дисциплинирован. Если он сделает что-то не так, не стесняйся критиковать и наказывать его.

П.П.С. Пожалуйста, передай моё почтение новому сотруднику мисс Бай Си, а также пришли мне её размеры, если это не так уж сложно. Я хотел бы подарить ей платье в подарок, когда мы встретимся.

Твой друг: Гермес.

В конце письма была также эмблема идентификации благородства отправителя, но эмблема была очень странной. Это было непохоже на то, что когда-либо видел Е Цинсюань в генеалогии церкви. Это были две змеи, обернутые о странную трость. Письмо было наполнено теплом и

добротой. Кроме того, что это почти взорвало Сетона, можно увидеть благородного джентльмена, который был добрым, вежливым и щедрым, который с искренностью беспокоился о Е. У него было то же имя, что и у известного художника сто лет назад.

Особая забота босса дала Ей Цинсюань холод. Он посмотрел на Бай Си: «Это от босса?»

Выражение Бай Си тоже было странным: «Да».

«Он хочет твои размеры...»

«Скажи ему, чтобы он пошел к черту!» Бай Си резко ответила, от чего Е Цинсюань не хотел написать ответ.

Е Цинсюань взял маленькую коробку на шкафу и был поражен после того, как он открыл ее: «Что это?»

В деревянной коробке была тонкая пробирка, утопленная в толстые хлопчатобумажные прокладки, наполненные розовой красной жидкостью, отражающей великолепный свет.

Бай Си была ошеломлена, когда увидела трубку. Она странно посмотрела на Е Цинсюаня: «Эй, ты думаешь, что ты понравился боссу?»

«Умм, понравился?»

«Да», - подумала Бай Си, подняв брови, выражение ее лица было странное. «Я слышала, что многие старые дамы любят свежих молоденьких мальчиков».

«О чем ты говоришь? Я еще даже не встречался с владельцем. И если ты не хочешь говорить мое имя, ты можешь называть меня братом, а не просто «эй», как будто ты мой кредитор».

«Хочешь воспользоваться мной? Ни в коем случае». Бай Си хмыкнула на него: «Это лекарство, сделанное церковью, отлично подходит для лечения внешних ран. Цена почти такая же большая, как у слитка черного золота».

От ее последнего предложения руки Е затряслись. Он уставился на пробирку в руках: «Это дорого?»

В дополнение к их соответствующим выпущенным валютам страны торгуют друг с другом с использованием общей валюты черного золота, созданной церковью. В настоящее время валюта Англо постоянно снижается, так что цена черного золота постоянно скачет. Примерно одна пробирка стоила бы более шестидесяти тысяч фунтов. Е Цинсюань чувствовал себя подавленно.

«Как дорого! Разве он не мог просто дать мне деньги?»

«Я бы выпила это как можно скорее, если бы была тобой. Эта вещь теряет свой эффект через десять минут после воздействия с солнцем». Слова Бай Си разбудили Е Цинсюаня, поэтому он быстро вытащил пробку и вылил жидкость в рот.

Когда он закончил, он закрыл рот, казалось, не пытаясь распробовать. Но вскоре он почувствовал сильный холод в теле. Это было похоже на момент взрыва ледяных бомб. Он оскалился и чуть не упал на землю, но его чувства быстро вернулись. Сильная боль в его теле быстро исчезла, как будто ее даже и не было.

«Так эффективно». Он пробормотал, чувствуя, как мир трясется.

«Есть побочные эффекты, и у тебя, вероятно, не будет сил на остальную часть дня, и в лекарстве был след мандалы». У Бай Си был обманчивый взгляд на лице. Ее улыбка была милой и невинной: «Брат, брат, давай играть в карты?»

«Играть в карты?» Е Цинсюань пытался подавить чувство головокружения: «Что ты хочешь сделать? Каждый раз, когда ты называешь меня братом, ничего хорошего не происходит!»

«Почему же, небольшое количество азартных игр не помешает, я забочусь о тебе!» Бай Си взяла пару карт из ниоткуда, затем искусно перетасовала. «Мы можем клеить белую бумагу на лицо, вместо того, чтобы играть на деньги, хочешь разогреться с помощью игры на пять карт?»

Е Цинсюань не мог не вздохнуть: «Очень хорошая перетасовка. Ты зарабатывала деньги на этом, не так ли?»

«Конечно, навыки для, чтобы зарабатывать на жизнь. Как насчет того, чтобы я не обманывала?» Бай Си улыбнулась безвредно и сладко: «Давай, брат, давай играть!»

«Могу я не играть?»

«Это считается проигрышем, если ты отказываешься».

Е Цинсюань вздохнул и взял карты, но когда он перетасовал, он увидел странную картинку на них: «Что это?»

В отличие от других карт с картинками короля и королевы, эта колода имела собственные изображения на картах от одной до десяти. Казалось, это был кто-то из странной истории, но стиль был очень мрачным, и заставляет вздрогнуть.

«Эта колода была легендарным юбилейным изданием Авалона. На обложке была самая известная легенда об Авалоне, которая, как говорили, очень популярна».

«Легенда?» Е Цинсюань, похоже, удивился: «Когда это случилось?» Он случайно выбрал карту и спросил: «Что это?»

На карте был нарисован старик в короне из перьев. В его руке было разбитое сердце, его глаза были мрачными.

«Говорят, что он контролировал весь Авалон, он прятался за занавесом и контролировал подземный мир. Звучит так, как будто он очень сильный человек, но многие говорили, что такого человека нет. И другие говорили, что они видели его, и никто не мог описать, как он выглядит. Люди, встретившие его, называли его «Шаманом», и когда Шаман издавал приказ, никто не осмеливался сопротивляться».

«Шаман?» Е Цинсюань считал, что это имя звучит знакомо, как будто он слышал его где-то раньше.